

УДК 821.161.1.09

DOI 10.37972/chgpu.2021.113.4.008

Н. В. Свитенко

«ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ»: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Формирование образа будущего писателя-фантаста начинают с постановки вопроса: «Кто такой человек?». В центре художественного исследования авторов повести «Гадкие лебеди» (1967) – самые актуальные проблемы сегодняшнего дня: содержание и смысл «человеческого» в человеке, формирование нравственной «арматуры» личности в подростковом возрасте, соотношение этики и интеллекта в системе ценностей молодого поколения, роль и статус учителя в период взросления. В статье рассматриваются особенности художественной репрезентации образов подростков в аксиологическом аспекте: исследуются условия формирования сознания «вундеркиндов» и причины их коллективной дивергенции. В повести логика работы предполагает движение аналитики от генезиса подросткового сознания, обусловленного мотивами распада дома и семьи, интенсивного взросления под влиянием интеллектуального авторитета «мокрецов»-идеологов, к интерпретации смысла заглавия повести в перспективе интертекстуального диалога с одной из самых известных сказок Г. Х. Андерсена в контексте нравственно-этической проблематики (повесть была впервые опубликована в 1986 году под заглавием «Прекрасный утенок»). Культурно-исторический метод исследования в сочетании с методикой филологического анализа текста позволили сделать вывод о том, что экзистенциальная сторона мировосприятия подростков в повести проявляется как экстенсивное переживание нигилизма, основанного на отрицании базовых понятий социокультурного бытия взрослых, а духовная аскеза и интеллектуальное развитие без нравственно-этической доминанты приводят к личностной деформации – распаду души и гибели Человека.

Ключевые слова: *А. и Б. Стругацкие, «Гадкие лебеди», социальная фантастика, генезис сознания, образ подростка, инициация, нравственно-этическая проблематика, художественная аксиология*

N. V. Svitenko

“UGLY SWANS”: VALUE ORIENTATIONS OF TEENAGERS IN THE NOVELLA OF A. AND B. STRUGATSKY

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. Science fiction writers begin shaping the image of the future by asking the question: “What is the human like?”. In the center of artistic research of the authors of the story “The Ugly Swans” (1967) are the most pressing problems of the present day: the content and meaning of the “human” in a person, the formation of a moral “frame” of the personality in adolescence, the correlation of ethics and intellect in the value system of the younger generation, the role and status of the teacher during growing up. The paper dwells upon the peculiarities of artistic representation of the image of a teenager in the axiological aspect: the conditions for the formation of young “prodigies” consciousness and the reasons for their collective divergence. The analysis of the work goes from the genesis of adolescent consciousness conditioned by the motives of the disintegration of home and family, the intensive maturation influenced by the intellectual authority of the “four-eyes”-ideologists (leper people suffering from disfiguring “yellow leprosy” manifesting itself as yellow circles around the eyes), to the interpretation of the meaning of the title of the story in the perspective of an intertextual dialogue with one of the most famous fairy tales

by Hans.Christian h. Andersen in the context of moral and ethical issues (the story was first published in 1986 under the title “The Beautiful Duckling”). The cultural-historical research method in combination with the method of philological analysis of the text made it possible to conclude that the existential side of the adolescents’ worldview is manifested as an extensive experience of nihilism based on the denial of the basic foundations of the socio-cultural being of adults, and spiritual asceticism and intellectual development without moral and ethical dominant leads to personal deformation – the decay of the soul and death of the Human.

Keywords: *A. and B. Strugatsky, “Ugly Swans”, social fiction, genesis of consciousness, the image of a teenager, initiation, moral and ethical issues, artistic axiology*

Введение. В современном литературоведении сформулировано общее научное мнение, постулирующее высокий интеллектуальный статус прозы братьев Стругацких, «литературы нравственного сопротивления» [7], выстраивающей «прогностические модели социально-политической динамики» [11, с. 3], созданной в жанре «социально-философской фантастики» [2], [6]. Повесть «Гадкие лебеди» соответствует формуле, фиксирующей фантастику как «одну из адекватных форм выражения философского мышления XX века» [4, с. 8]. В этом тексте авторы создают оригинальное «целостное аксиологическое пространство», ставшее предметом исследования работы [3, с. 140] (1). Действие происходит в условной европейской стране, в южном городе, где с некоторых пор постоянно идет дождь. В конфликт втянуты три коллективных субъекта: «взрослые» (пошлые обыватели), подростки (презирающие мир взрослых), «мокрецы» (изгои, «прокаженные» очковой болезнью – прозрачная метафора интеллигенции, воспитатели подрастающего поколения). Медиатором между этими фигурантами сюжета становится отец одной из девушек-подростков повести Виктор Банев, талантливый писатель, гуманист в традиционном понимании этого феномена, рассказчик-повествователь.

Актуальность исследуемой проблемы. Вопрос о нравственности прогресса, один из ведущих в творчестве писателей-фантастов Стругацких, обретает статус ключевой проблемы современности в связи с технологическими перспективами тотальной цифровизации. Проблематика исследования позволяет представить читателю литературно-художественную рефлексию аксиологических сдвигов и мировоззренческих изменений в сознании подростков второй половины XX века, которые становятся реальностью в XXI веке.

Материал и методы исследования. Культурно-исторический подход в сочетании с методологическим инструментарием филологического анализа текста позволили приблизиться к цели работы – определению причин нравственной деградации интеллектуально одаренных подростков в контексте духовно-этических воззрений и художественной футурологии братьев Стругацких.

Результаты исследования и их обсуждение. «Гадкие лебеди» в повести – дети-вундеркинды, они «прекрасны» с формальной точки зрения: умны, воспитаны, аккуратны, но их моральный облик гадов, отвратителен, их эмоциональный интеллект застрял на этапе подросткового идеализма, в то время как умственные способности значительно превосходят интеллект рядового взрослого.

Сцена разговора Банева с гимназистами появилась после посещения физматшколы в Новосибирске, где Стругацкие почувствовали, что перед ними очень умные, но духовно безграмотные дети [5, с. 591–592]. В повести подростки считают себя творцами, делят людей на полезных и бесполезных, берут на себя право судить других, различны у них только методы: «Вот в этом все дело... не в том дело, понимаем ли мы реальную жизнь или нет, а в том дело, что для вас и ваших героев такое будущее вполне приемлемо, а для нас – это могильник. Конец надежд. Конец человечества. Тупик. Вот потому-то мы и говорим, что не хочется тратить силы, чтобы работать на благо ваших, жаждущих покоя и по уши

перепачканных, типов. Вдохнуть в них энергию для настоящей жизни уже невозможно. И как вы там хотите, господин Банев, но вы показали нам в своих книгах – в интересных книгах, я полностью "за", – показали нам не объект приложения сил, а показали нам, что объектов для приложения сил в человечестве нет, по крайней мере – в вашем поколении <...> Вы просто никак не можете поверить, что вы – уже мертвецы, что вы своими руками создали мир, который стал для вас надгробным памятником» [8, с. 99].

«Перепачканные типы» и «мертвецы» – это «взрослые» города. У Стругацких практически в любом тексте присутствует важный «коллективный» герой: безлика и безымянная серая масса обывателей, которые просто следуют установленным неизвестно кем правилам, не задумываясь о последствиях, опасаются любых перемен, не способны на поступок даже ради того, что вроде бы любят. В повести «Гадкие лебеди» эту роль выполняют родители вундеркиндов: они оказались не готовы к столкновению с таким будущим. Мир взрослых ограничен и замкнут на выполнении привычной схемы, жизненной программы: дом – работа – дом, в котором дети – лишнее звено, они абсолютно «выключены» из взрослого мира. Один из персонажей повести так высказывается о реакции родителей на изменения в образе жизни детей: «Говорят, сначала родители очень радовались, что дети не рвут штанов, лазая по заборам, а тихо сидят дома и почитывают книжки. Тем более, что погода плохая. Но теперь уже все видят, к чему это привело и кто это затеял. Теперь уже никто больше не радуется» [8, с. 114].

«Семья формирует характер, внутреннее “Я” подростка» [1, с. 46], связь взрослых и детей в семейных отношениях реализуется в пространстве дома, которое оказывается утраченным для всех героев повести. В тексте можно выделить следующие локации: санаторий, гостиница, ресторан, школа и улицы города. Действие разворачивается в местах общественных – весь городской истеблишмент перманентно находится в санатории. Мокрецы живут в лепрозории, позже к ним приходят и дети. Частное пространство, дом, не актуализировано в повести. Понятие «дом» содержит в себе значение не только здания, но и общности людей, с этим домом связанных, в повести же идея дома утрачивается: у детей нет дома, поскольку взрослые, утратившие идеалы и веру, лишили дом значения рода, семьи, дискредитировали идею дома, и связь с поколением младших прервалась.

Распад дома проявляет болезнь, захватившую город и людей, гниение и разложение когда-то солнечного города соотносится с кризисом, захватившим социум. Крушение семейных взаимоотношений, добровольный уход детей из дома предопределяют апокалиптический финал повести.

Подростки радикально настроены на разрушение старого мира «до основания», но благородно «дают дожить» взрослым, не подходящим на роль строителей будущего, их век. Они воспринимают прошлый опыт человечества как нечто, чем можно пренебречь. Утверждают, что спасения достойно лишь новое поколение, лишь ради него необходимо стараться что-то изменить. Они заменяют доброту интеллектом, а гуманизм – холодным расчетом. Подростки, отказавшиеся от старого мира, отказываются и от всей прежней системы отношений и привязанностей. Одной из самых трагичных сцен в повести можно назвать столпотворение у лепрозория и то, как неведомый Голос отвалил толпу обезумевших родителей от ворот лечебницы.

Банев, анализируя произошедшее, приходит к такому умозаключению: «... Унижение, думал он. Да, конечно. Надавали пощечин, назвали подонком, прогнали, как надоевшего попрошайку; но все-таки это были отцы и матери, все-таки они любили своих детей, били их, но готовы были отдать за них жизни, развращали их своим примером, но ведь не специально, по невежеству... матери рожали их в муках, а отцы кормили их и одевали, и они ведь гордились своими детьми, и хвастались друг перед другом, проклиная их зачастую, но не представляли себе жизни без них... и ведь сейчас действительно жизнь их совсем опустела,

вообще ничего не осталось. Так разве же можно с ними так жестоко, так презрительно, так холодно, так разумно, и еще надавать на прощание по морде...» [8, с. 224]. Эта ситуация вызывает у писателя гнев и возмущение, он не готов принять разрыв семейных связей. Недетский жестокий поступок ввергает весь город в депрессию, приводит к отчаянию. Мир, в котором раньше жил этот город, уже не существует, аномия поглотила его.

Современная нейрофизиология убедительно опровергает один из основных мифов, связанных с характеристикой поведения подростков, – «игра гормонов». Безусловно, физиология изменяется, но доминантные сдвиги касаются изменения мышления, сдвигов в морфологии сознания. Учитывая мнения специалистов по подростковой психологии [10, с. 178–181], можно сказать, что воспитатели детей в повести Стругацких контролируют доминанты сознания тинейджеров – социальную активность, обостренную чувствительность, тягу к творчеству, поиск нового. Изменения фундаментальных нейронных связей влияют на функции фокусировки внимания, логическое мышление, центры принятия решений. Эти изменения делают подростков категоричными, бескомпромиссными и принципиальными в духовном плане. Взросление и связывается с обретением мудрости, целостности сознания, «расколотого» в пороговый, переходный период (ср. архетипический образ «подростка» Достоевского – героя, должного сделать выбор). Переходный возраст позволяет сформировать паттерны мышления, выстроить матрицу нового уровня сознания.

По мнению авторитетного знатока детской и подростковой психологии Д. Б. Эльконина, феномен детства определяют два парадокса: парадокс природы (наличие минимума механизмов в поведении ребенка) и парадокс детства (длительное развитие механизмов адаптации ребенка позволяет сформировать у последнего любой опыт) [12, с. 26–29]. Согласно этой теории, детская психика формируется благодаря внешним данностям, т. е. человек есть продукт его воспитания. Взросление обусловлено внешними факторами. Оказанное на ребенка воздействие определит результат его становления в качестве личности в подростковый период. Поэтому так важна роль воспитателя в жизни детей.

Такой же точки зрения придерживаются и сами Стругацкие. В художественном мире повести акцентируется, что у мокрецов болезнь (хоть ее этиология и патогенез остались загадкой и для Банева, и для читателей) генетическая, дети же здоровы, у них нет никаких внешних признаков так называемой «очковой болезни»: «Акселерация – дело биологическое и физиологическое. Возрастание веса новорожденных, потом они вымахивают метра на два, как жирафы, и в двенадцать лет уже готовы размножаться. А здесь – система воспитания, детишки самые обыкновенные, а вот учителя у них...» [8, с. 111]. Детивундеркинды умны не от рождения, а благодаря особой системе воспитания: «И, черт возьми, это по-своему грандиозно – все уже пробовали, только этого не пробовали: холодное воспитание без всяких соплей, без слез... хотя что это я мелю, откуда я знаю, что у них там за воспитание... но все равно, жестокость, презрение, это же видно... Ничего у них там не получится, потому что, ну ладно, разум, думайте, учитесь, анализируйте, а как же руки матери, ласковые руки, которые снимают боль и делают мир теплым?» [8, с. 227].

Повествователь расценивает систему воспитания «мокрецов» как неполную, лишенную человечности. Для писателя жизнеобразующим принципом является гуманизм, который в педагогике оборачивает в свою противоположность обитателей лепрозория. К подросткам, которые уже живут будущим, он испытывает отвращение, потому что это и не дети вовсе: «Вот она, акселерация в действии, с ужасом думал он, вспоминая уверенные детские голоса, твердившие ему невозможные вещи. Боже, спаси взрослых, боже, спаси их родителей, просвети и сделай умнее, сейчас самое время... Для твоей же пользы прошу тебя, боже, а то построят они тебе вавилонскую башню, надгробный памятник всем дуракам, которых ты выпустил на эту землю плодиться и размножаться, не продумав как следует последствий акселерации... Простак ты, братец» [8, с. 107]. В этом фрагменте

возникает мотив Вавилонской башни, который отражает суть отношения писателя-гуманиста к экспериментам мокрецов. В попытке утвердить себя в качестве имеющих право встать на одну ступень с Богом, обладать абсолютным знанием и абсолютной истиной мокрецы обрекают себя на самоуничтожение, что и происходит с ними в финале повести. Благодаря этой аллюзии читатель понимает, что детей и мокрецов поглотила гордыня, разрушившая и город, и семьи, и прошлую жизнь. Отцы и дети были рассеяны по миру и стали говорить на «разных» языках, и новый мир – неосуществимая мечта, как и возведение башни до небес, чтобы «восславить свое имя» и быть на равных с Богом. Такое жестокое и неприятное будущее чуждо Виктору Баневу, оно ассоциируется у писателя с холодными склизкими щупальцами чудовищ. Он понимает, что в этом будущем пощады ждать не от кого. Для писателя невыносима эксплуатация памяти, но и пренебрежение к прошлому для него недопустимо, отрыв от традиции вызывает непонимание и отторжение. Недаром последними словами героя стало пожелание вернуться обратно из мира, который лишь квадрат ясности в туманном и темном мире.

И подростков, и их учителей объединяет крайний солипсизм мировосприятия и бинарность мышления: они воспринимают и постулируют мир только через призму своего сознания, для них существуют только грязь и чистота как два полюса в мире: «Вам хотелось бы, чтобы мы работали на благо людей. Т. е. фактически на благо тех грязных и неприятных типов, которыми наполнены ваши книги» [8, с. 94]. Потому в городе постоянно льет дождь, который должен смыть вековую грязь, налет и ничего не оставить от старого теплого южного города. В связи с этим у главного героя, надеющегося, что у нынешнего человечества тоже есть шанс на жизнь в новом мире, шанс на очищение или даже, лучше сказать, причащение, фамилия Банев: «Под работой на благо людей я как раз понимаю превращение людей в чистых и приятных» [8, с. 94]. Это миропонимание становится достаточным для формирования двух борющихся классов: «грязных» взрослых и «стерильных» детей-вундеркиндов. Мокрецы как «духоносцы» просвещения и прогресса, совершившие метанойю, перемену ума, больше не нужны, они выполнили свою функцию и теперь должны исчезнуть.

Выводы. Мировидение подростка предельно лишено иллюзий: мир взрослых, который в детстве воспринимался нерелексивно, как единственно возможный, оказывается творением рук человеческих – отсюда нигилистический пафос подростковой картины мира. В повести особая система воспитания привела к преждевременному и «трансгрессивному» взрослению детей, моральные же качества, которые должны были сформироваться в детстве, ампутруются за ненужностью. Гимназисты, отказавшиеся от старого мира, отказываются и от всей прежней системы отношений и привязанностей, что приводит в конце произведения к «апокалипсису». Взрослые выступают в качестве податливой серой массы, которая ничего не может изменить, а способна только прислушиваться к чужому громкому Голосу. Лишь единицы способны сопротивляться и думать, чувствовать, пытаться что-то изменить. Подростки раскрываются для читателей как персонажи с философией, близкой к фашистской, поскольку их воинственный «дух» активирован системой воспитания, а этическое ядро личности не сформировано.

Фактически сюжет повести не показывает становление подростка, постепенное взросление: герои-подростки не просто бунтари – они революционеры, жестко переломившие ход истории, их поступок вовсе не подростковый преходящий бунт – это однозначный, холодный расчет и выбор в пользу «нового дивного» мира. Уход молодого поколения становится своеобразной точкой инициации для взрослых – именно им придется измениться и понять что-то новое: родители осознают свое бессилие и, как это ни парадоксально звучит, экзистенциальное «сиротство».

Виктор Банев, писатель, рассказчик истории, плоть от плоти людей поколения «взрослых», но все же он стремился стать чем-то большим, понять мокрецов, понять подростков и быть для них нужным, что выделяет его из общей массы, но «лебедем» ему стать не суждено – нравственно-этическое ядро «старого» гуманизма удерживает героя в пределах традиционной парадигмы ценностей времен христианина Г. Х. Андерсена, определяя героя словами одного из персонажей: «Бедный прекрасный утенок!» [8, с. 278].

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Повесть А. и Б. Стругацких «Гадкие лебеди» была написана в 1967 году и не сразу нашла путь к своему читателю в СССР: ее издали лишь 20 лет спустя в журнале «Изобретатель и рационализатор» (1986, сокр., под заглавием «Прекрасный утенок») и «Даугава» (1987, под заглавием «Время дождя») [9, с. 713]. Этот текст авторы позднее включили в состав романа «Хромая судьба» как произведение, написанное главным героем, Феликсом Сорокиным, но мы будем рассматривать «Гадких лебедей» как уникальное и самостоятельное литературное произведение, так как повесть была создана раньше романа и представляла собой самостоятельный художественный акт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотухина А. В. Эволюция образа подростка в русской детской литературе 1930-х–1970-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2018. – 174 с.
2. Иванюта Г. Л. Из наблюдений за поэтикой поздних Стругацких: «Хромая судьба» // Вестник Удмуртского университета. – 1993. – № 4. – С. 112–114.
3. Кондаков Б. В., Попкова Т. Д. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 2 (22). – С. 139–147.
4. Милославская В. В. Творчество А. и Б. Стругацких в контексте эстетических стратегий постмодернизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2008. – 24 с.
5. Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. – Донецк, 2007. – С. 656.
6. Няму А., Беридзе А. Функциональность литературных традиций в романе А. и Б. Стругацких «Хромая судьба» // Науквш юник Чершвецького ун іверситету (Чершвц). – 2001. – Вип. 106. – С. 30–37.
7. Свирский Г. Мир современной русской фантастики и трагический натурализм. Братья Стругацкие и Веничка Ерофеев «Москва-Петушки» // На Лобном месте: литература нравственного сопротивления 1946–1986. – М. : Крук, 1998. – С. 244–253.
8. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Гадкие лебеди. – М. : АСТ, 2018. – 320 с.
9. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному. 1979–1984 гг. // Собрание сочинений : в 11 т. Т. 8. 1979–1984. – Донецк : Сталкер ; СПб. : Terra Fantastica, 2004. – С. 713–721.
10. Харламенкова Н. Е. Самоутверждение подростка. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – 384 с.
11. Черняховская Ю. С. Политико-философское осмысление проблем общественного развития в творчестве А. и Б. Стругацких : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2013. – 28 с.
12. Эльконин Д. Б. Природа детства и его периодизация // Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. – М. : Педагогика, 1989. – С. 27–29.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021

REFERENCES

1. Zolotuhina A. V. Evolyuciya obraza podrootka v russkoj detskoj literature 1930-h–1970-h godov : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – M., 2018. – 174 s.
2. Ivanyuta G. L. Iz nablyudenij za poetikoj pozdnih Strugackih: «Hromaya sud'ba» // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – 1993. – № 4. – S. 112–114.
3. Kondakov B. V., Popkova T. D. Hudozhestvennyj mir literatury i fenomen detskogo mirosoznaniya // Vestnik Permskogo universiteta. – 2013. – № 2 (22). – S. 139–147.
4. Miloslavskaya V. V. Tvorchestvo A. i B. Strugackih v kontekste esteticheskikh strategij postmodernizma : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Stavropol', 2008. – 24 s.
5. Neizvestnye Strugackie. Ot «Strany bagrovyh tuch» do «Trudno byt' bogom»: chernoviki, rukopisi, varyanty / sost. S. P. Bondarenko, V. M. Kuril'skij. – Doneck, 2007. – S. 656.

6. Nyamcu A., Beridze A. Funkcional'nost' literaturnyh tradicij v romane A. i B. Strugackih «Hromaya sud'ba» // Naukovsh vyunik Chershvec'kogo un iversitetu (Chershvshch). – 2001. – Vip. 106. – S. 30–37.
7. Svirskij G. Mir sovremennoj russkoj fantastiki i tragicheskij naturalizm. Brat'ya Strugackie i Venichka Erofeev «Moskva-Petushki» // Na Lobnom meste: literatura npravstvennogo soprotivleniya 1946–1986. – M. : Kruk, 1998. – S. 244–253.
8. Strugackij A. N., Strugackij B. N. Gadkie lebedi. – M. : AST, 2018. – 320 s.
9. Strugackij A. N., Strugackij B. N. Kommentarii k projdennomu. 1979–1984 gg. // Sobranie sochinenij : v 11 t. T. 8. 1979–1984. – Doneck : Stalker ; SPb. : Terra Fantastica, 2004. – S. 713–721.
10. Harlamenkova N. E. Samoutverzhdenie podrostka. – M. : Institut psihologii RAN, 2007. – 384 s.
11. Chernyahovskaya Yu. S. Politiko-filosofskoe osmyslenie problem obshchestvennogo razvitiya v tvorchestve A. i B. Strugackih : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – M., 2013. – 28 s.
12. El'konin D. B. Priroda detstva i ego periodizaciya // El'konin D. B. Izbrannye psihologicheskie trudy. – M. : Pedagogika, 1989. – S. 27–29.

The article was contributed on September 29, 2021

Сведения об авторе

Свитенко Наталья Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-9590-5483>, svitenko@list.ru

Author information

Svitenko, Natalya Vyacheslavovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History of Russian Literature, Theory of Literature and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-9590-5483>, svitenko@list.ru